

Т.И. Татарина

О MORFOЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Основная трудность изучения морфологических норм заключается в наличии вариантных форм. Несмотря на стихийное и сознательное стремление к унификации и постепенное устранение неустойчивых форм, морфологическая вариантность распространяется еще на весьма значительное количество слов. Например, только в словаре-справочнике "Трудности словоупотребления"(1973), по подсчетам К.С. Горбачевича, приводится более трех тысяч пар морфологических вариантов [1, 162].

И не случайно то, что вариантные формы, т.е. параллельные образования, находящиеся друг с другом в отношении близкого смыслового и функционального соответствия (и в связи с этим - полной или частичной взаимозаменяемости), уже не раз останавливали на себе внимание исследователей языка, в частности, А.И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Л.А. Булаховского, П.Я. Черных, В.В. Виноградова и др.

Большой вклад в изучение состава вариантных форм, их движения к современному состоянию и характера употребления в национальном русском языке, включая его диалекты, внесен широко известными монографиями акад. С.П.Обнорского, в которых автор отмечал, что "трудности здесь заключаются в самой природе соответственных морфологических и синтаксических явлений языка. Они представляют собой нечто, покрываемое понятием современной системы языка, а вместе с тем содержат придаток различных иных явлений и фактов, которые, с одной стороны, пережиточно сохранились от предшествующих эпох, а с другой - служат началом чего-то нового, зарождающегося в языке" [2, 291].

При изучении морфологических вариантов важен прежде всего учет внешних и внутренних факторов их возникновения в литературном языке.

Так, характерным примером влияния внешнего (в основе -- диалектного) фактора на становление морфологической нормы могут служить следующие случаи.

1. С Петровской эпохи в литературном языке стали широко употребляться формы именительного - винительного падежа мн.ч. на *-ы /-и* существительных среднего рода типа *болоты, бревны, колесы, окны, ядры* и т.п., выступавшие параллельно с исконными формами *па -а*.

В последующие периоды истории литературного языка формы на *-ы/-и*, квалифицируясь как разговорные, не нашли признания у нормализаторов русского языка. Несмотря на сильное влияние разговорно-диалектной стихии, употребление этих форм постепенно ограничивалось и во второй половине XIX в. было почти совершенно устранено.

Однако подобные формы могут сохраняться в других славянских языках. В условиях белорусско-русского двуязычия интересны белорусско-русские соответствия. Так, формы на **-ы/и** в белорусском языке вообще являются невариантными, регулярными: гумны, вокны, лоблакі и под. Ср. в текстах:

Толькі чыстыя *сэрцы* няюць (Л.Геніош); У песнях жа родны край, родныя *словы*; Жылі, і жывуць, і жыць будуць заўсёды (Я.Купала); Калі дабро пасею на загоне, Закаласяця і дабром *налі* (Л.Геніош).

2. Сходным образом была утрачена в литературном языке форма инфинитива, осложненная суффиксом **-ть**: *идти*, *найти*, *пройти* и т.п. Эта форма зафиксирована у многих писателей XVIII - первой половины XIX вв., например, у Пушкина: *Не разойтись ли полюбовно?* ("Евгений Онегин"). В дальнейшем форма с повторным суффиксом **-ть** отвергается литературной нормой, но продолжает сохраняться в русских территориальных говорах, откуда проникает в язык художественной литературы (например, как средство речевой характеристики персонажей, ср. у М.А.Шолохова: *уйти*, *произойти*, *выйти* и т.п.)

В целом можно утверждать, что влияние внешних (экстралингвистических) факторов на возникновение морфологических вариантов и на установление литературных норм современного русского языка неуклонно ослабевает.

Тем более интересны морфологические варианты, появившиеся в языке под влиянием внутренних факторов, связанных либо с историческим прошлым языка, либо с ныне действующими закономерностями его развития.

1. Прежде всего обращают на себя внимание вариантные формы на **-а/-я** и **-у/-ю/-й** родительного падежа ед.ч. существительных мужского рода.

То, что формы на **-у** от первоначальных основ на ***й** известны всем славянским ***й** языкам, отмечено многими лингвистами. Эти формы возникли на базе неодушевленных существительных и употреблялись только в памятниках нецерковной письменности, а также в деловых документах. При этом универсальной флексией Р.п.ед.ч. слов мужского рода всегда оставалась флексия **-а**, присущая древним основам на ***-б**.

История форм на **-у/-ю** свидетельствует об особой роли разговорного языка в формировании русского литературного языка на его начальном этапе. В устной народной речи и геспо связанном с ней деловом языке данная флексия, особенно в конце XVII - начале XVIII вв., имела исключительно широкое распространение, гораздо более широкое, чем в современном русском языке. Естественно, что она настойчиво пробивала себе путь во все стили и жанры литературного языка.

В современном русском языке универсальной флексией Р.п. ед.ч. у слов мужского рода является, конечно, **-а/-я**. В книжных стилях литературного языка эта флексия преобладает и там, где правилами допускается употребление окончания **-у/-ю**. В этом отношении литературный язык наших дней придерживается более строгой нормы, чем язык, например, первой и отчасти второй половины XIX в. Сейчас едва ли возможны случаи типа: *Но прежним чувствам нет возврата* (М. Лермонтов); *И быстро выступают из мраку Поля и дальние леса* (Ф. Тютчев).

Но разговорные формы на **-у/-ю** отнюдь не утратили своей жизнеспособности и, конечно, не только в силу уже сложившихся традиций самого литературного языка, но и вследствие их частой употребляемости в обиходной речи.

Не говоря уже о случаях фразеологизации форм на **-у** (*без году неделя*, *поддать пару*, *нет ни духу ни духу*, *говорить без умолку* и т.п.), эта флексия явно преобладает в тех словах с вещественным, собирательным и отвлеченным значением, которые наиболее активно употребляются в бытовой речи. Так, в нормативных словарях с дополнительной флексией **-у** отмечены слова: *бензин*, *воск*, *горох*, *дѣготь*, *жир*, *изюм*, *квас*, *клей*, *корм*, *лак*, *лес*, *дук*, *мак*, *мед*, *мел* и мн. др. В «Русской грамматике» (1990) приведено 242 имени вещественных, способных принимать флексию **-у** [3]. Менее распространенные в обиходе слова, хотя и

способные по правилам грамматики выступать с флексией *-у* (ср. *апису, бисеру, жемчугу, куроросу* и т.п.), в словарях часто указываются только с окончанием *-а*.

В белорусском языке формы на *-у (-ю)* значительно преобладают над соответствующими формами русского литературного языка.

Сопоставительный анализ русских и белорусских **вещественных** имен показывает, что если в русском литературном языке практика использования этих форм приобретает все больший интерес для стилистики (или семантики), то в белорусском языке соответственные формы более (почти исключительно) грамматикализованы. Они последовательно используются, в частности, для выражения категории вещественности (а также собирательности) имен существительных.

В белорусском языке флексия *-у* является для многих сотен вещественных имен устойчивой и жизнеспособной, по существу единственной, чем отчетливо подчеркивается **категориальное** значение данного разряда имен существительных.

Это находит прямое отражение в словарях, где в случаях различных значений слова приводятся разные флексии: АЛМАЗ 1. (о веществе) алмаз, *-зу, -м*; 2. (об инструменте) алмаз, *-за*; БЕЛОК бялок, *-ка* и (о веществе) *-ку*; ТОМАТ - тамаг бот, *-та* и (кул.) *-ту*; ЧУГУН (металл) чыгун, *-ну*, (сосуд) чыгун, *-на* (РБС).

Русские и белорусские вещественные имена имеют в отношении окончания Р.п.ед.ч. слов мужского рода весьма существенные расхождения, что подтверждается в том числе и сопоставлением переводных текстов. Ср.: «*большие кислорода*» — «*большы кіслароду*», «*бутылка коньяка*» — «*бутэлька каньяку*», «*духа...ила*» — «*паху...ілу*», «*метелка лисохвост*» — «*мяцёлка лісахвосту*» (И.Шамякин «Сердце на ладони»).

В белорусском языке формы на *-у(-ю)* можно считать стилистически нейтральными. Они употребляются во всех стилях и жанрах белорусского литературного языка, почти не конкурируя с формами на *-а(-я)*.

Ср. соответствующий материал: Гэтая пяціметровая фігура Давіда высечена з крэнкага *мармуру* (В.Быкаў). Клубочки *дыму* ... выбіваюцца на прастор і гінучы у зімнім наветры (Я.Колас). У сукенцы з *батысту* Я з табою ішла (Л.Геніюш). ... наклаў у люльку тытуню. выкрэсліў *агню*, закурыў (Я.Колас). З *металу* і з Пушчы Выходзяць зубры на гасцінец асфальтавы мінскі (Л.Геніюш) и мн.др.

В русском языке дифференциация форм на *-а(-я)* и *-у(-ю)* не имеет столь строгой, как в белорусском, грамматикализации. Здесь на первый план все более выступает фактор стилистический, не всегда четко определяемый:

Я был еще слабее *воска* (Н.Грибачев). Военного *пота* и пыли усердно смывал я слезы (К.Ваншенкин). Сменялась... окропляя подружек пахучими брызгами яблочного *сока* (М.Алексеев). Он радости был полон неземной, Что слаще *меда* и сытнее мяса (Г.Винокуров).

Но: Довольно пороху, каленой стали, *меди, свинцу* и чугуна (В.Полонский). Керосину купишь? (В.Быков) и: А *керосина* кто расстарался. (В. Быков).

Как видим, формы на *-у(-ю)* не утратили своей жизнеспособности и в русском языке. Сохранив (хотя и не во всем) свои грамматические черты, эти формы приобрели свой определенный стилистический статус.

Например, совершенно было бы неправильно сказать по-русски:

"Налейте мне *кваска* (вместо *кваску*). Точно так же: *лучку, чесночку, табачку, кофейку, клянтку* и т.п. при возможных (с безударной флексией) *кефирчику, бульончику, ликерчику* и т.п.

В других случаях наблюдаются многочисленные колебания дублетных форм веществ-

венных имен существительных на **-а(-я)** и **-у(-ю)**: В землянке Сергей налил из одного термоса пиленного *супа*, из другого -- полуостывшего -- *чая* (О.Смирнов). Люся слушает их разговор, съедает несколько ложек супу (В.Быков). Пошалыгин положил на стол коробку с конфетами, сержант Журавлев -- пачку *чая* (О.Смирнов). Клубы сизого пахучего *дыма* наполняют окоп (В.Быков). И зубы есть, лишь... яду нету (А.Иванов). А вот хохол, тот, поди, *квасу* бочонок да блинов сыновьям везет (М.Алексеев).

Таким образом, становится очевидным, что разграничение форм на **-а(-я)** и **-у(-ю)** для русского языка -- явление не столько морфологического, сколько стилистического плана при более строгой нормализации -- формы на **-а(-я)**, в разговорной речи -- формы на **-у(-ю)**.

Определенный интерес представляют формы Р.п.ед.ч. **собирательных** существительных мужского рода на **а(-я)** и **у(-ю)**.

В русском языке лишь отдельные существительные со значением собирательности способны принимать варианты окончания **-у(-ю)**: *лону*, *хламу* и нек.др.

Совершенно другая картина в отношении использования этого окончания наблюдается в белорусских собирательных существительных мужского рода.

В старобелорусском языке формы на **-у(-ю)** являлись преобладающими, по существу господствующими. В современном белорусском литературном языке соотношение форм на **-у(-ю)** и **-а(-я)** несколько изменилось. Так, по данным исследователей (в частности, З.А.Лексугиной), существительные с лексическим значением собирательности одинаково часто отмечаются как в форме на **-а(-я)**, так и с окончанием **-у(-ю)**, соответственно 48 и 52% [4]. Однако собственно собирательные существительные и теперь чаще употребляются с окончанием **-у(-ю)**. При количественном значении падежа формы на **-у(-ю)** составляют 98,5 %, при определительном -- 79,7 %. Таким образом, подобно вещественным именам, которые используют формы на **-у(-ю)** особенно интенсивно, белорусские собирательные существительные также, как правило, выступают с этой флексией. Сравните белорусские собирательные имена: *абрыкосу*, *ажыну*, *алешніку*, *ананасу*, *анісу*, *бязозніку*, *беразняку*, *буку*, *бура-лону*, *бурачніку*, *бур'яну*, *вішняку*, *гносу*, *грабу*, *гранатніку*, *дзядоўніку*, *дрэвастою*, *дубняку*, *ельніку* и многие другие.

Все приведенные и подобные им примеры с окончанием **-у (-ю)** касаются собирательного значения существительных. Что касается других значений этих существительных (названий деревьев, кустарников и т.п.), почти все они даются с окончанием **-а (-я)**: *ананас* бот. *ананаса*, *банан* бот. - *банана*; *граб* бот. - *граба* и т.п.

Таким образом, флексия Р.п.ед.ч. для белорусских собирательных (как и вещественных) имен существительных (в отличие от русских, особенно собирательных, где окончание **-у (-ю)** практически отсутствует) выполняет важную морфологическую функцию -- функцию разграничения и выделения собирательности (и вещественности) как особых категорий языка.

Это подтверждается и на функционально-стилистическом уровне: при преобладающем использовании вариантов форм на **-у(-ю)** в белорусском языке наблюдается почти полное их отсутствие в русском. Типичный пример: Той (Яраш) кінуў вуды і вылез з *лазняку*. Он бросил удочки и вылез из *лозняка* (И.Шамякин. Сердце на ладони).

Таким образом, более широкая употребительность флексии **-у** в разговорной, обиходной русской речи сравнительно с речью строго литературной не подлежит сомнению.

Как отмечалось выше, формы среднего рода на **-ы** (*болоты*, *сёлы*) получали определенное распространение в русском литературном языке также под влиянием разговорной стихии. Однако то обстоятельство, что такие формы не могли удержаться в литературном употреблении, тогда как рассматриваемые формы на **-у** сохраняются на протяжении веков,

объясняется глубокими различиями в характере вариантности тех и других форм.

Формы на **-ы**, проникавшие в русский литературный язык из московского говора, целиком совпадали по значениям и функциям с формами на **-а**, т.е. составляли с ними морфологические дублиеты. Отношения же форм на **-у** и **-а** гораздо сложнее. Как было отмечено еще акад. А.А. Шахматовым, употребление древних форм на **-у** с самого момента их распространения оказывалось семантически ограниченным: они выступали только у имен существительных неодушевленных со значением вещественным, собирательным и отвлеченным, т.е. никогда не дублировали форм на **-а** во всем их объеме [4, 114].

2. Другую заметную группу морфологических вариантов, в образовании которых определяющую роль сыграли факторы внутреннего характера, составляют две формы предложного падежа: форма на **-е** и форма на **-у**, наличие которой отмечается исследователями уже в памятниках древнерусской письменности, причем они известны всем славянским языкам. В отличие от традиционной формы на **-е**, вариантная форма на **-у** употребляется более узко: она образуется только с пространственным значением от неодушевленных существительных, преимущественно с односложной основой, после предлогов *в*, *на* (*в саду*, *на лугу*).

В старом литературном языке (особенно в XVIII в.) форма на **-у** была распространена гораздо шире, чем в современном. Например, в памятниках Петровской эпохи формы на **-у**, по наблюдениям ученых, отмечаются и после других предлогов: *о* (*о корму*, *о боевом строю*), *при* (*при генеральном мире*), *по* (*по нарочитом бою*). Живые тенденции народного русского языка к употреблению этих форм были задержаны в литературном языке церковно-славянским влиянием.

Однако вплоть до наших дней в разговорном просторечии формы на **-у** являются весьма продуктивными. В связи с этим нередко наблюдаются параллельные употребления форм на **-е** и на **-у/ю** у одних и тех же слов с одними и теми же значениями: *на ветре* и *на ветру*, *на дубе* и *на дубу*, *в квасе* и *в квасу*, *в махе* и *во мху*, *в отпуске* и *в отпуску*, *в соке* и *в соку*, *в цехе* и *в цеху*, *в чае* и *в чаю* и т.п.

В подобных случаях формы на **-у** имеют разговорно-просторечный характер. Некоторые из них характеризуются в нормативных словарях и грамматиках как формы "новые" (ср. *в отпуску* - по словарю Д.Н.Ушакова), "допустимые" (*в отпуску*, *в цеху* - по Орфоэпическому словарю) или как прямо просторечные (*в цеху* - по словарю Д.Н.Ушакова). Грамматики квалифицируют их как формы, свойственные преимущественно разговорной речи.

3. В склонении русских имен существительных вплоть до наших дней весьма интенсивно протекает процесс освоения ударяемой флексии **-а/я** в именительном падеже множественного числа слов мужского рода.

Окончание **-а/я** этих форм - новое по происхождению. Еще, например, в письменном языке Петровской эпохи оно представлено буквально единичными примерами: *берега*, *бока*, *года*, *города*, *леса*, *края* и нек. др. Ограниченный список слов, принимающих это окончание, давал в своей грамматике М.В. Ломоносов. До XIX в. в соответствующих формах почти безраздельно господствовало исконное окончание **-ы/и**. Но уже в первые десятилетия XIX в. количество слов с флексией **-а/я** сильно возрастает и непрерывно увеличивается на протяжении всего последующего времени, включая и нашу современность. Ср. в текстах: *Все дома на аршин загрязнут* (А.Пушкин) - *Дома новы, да предрассудки стары* (А.Грибоедов); *Идут белые снеги* (Р.Рождественский) - *Кругом снега, необозримые пески пустыни* (М.Алексеев); *Я бы в докторы пошёл...* (В.Маяковский) - *Доктора удивлялись его живучести* (Г.Федосеев). *У меня растут года, будет мне семнадцать* (В.Маяковский) - *А годы летят, наши годы как птицы, летят*.

Необходимо подчеркнуть неидентичность форм на **-а/я** и на **-ы/и** в грамматическом отношении. По замечанию акад. С.П.Обнорского [2, 283], с утратой в русском языке категории двойственного числа формы на **-а** у группы подвижноударяемых имен существительных были осмыслены как новые формы множественного числа; напротив, формы на **-а** у группы неподвижных по ударению существительных, совпадающие с Р.п. единственного числа, бы-

ли синтаксически переосмыслены и явились для языкового восприятия новыми сочетаниями числительного *два* (а позднее также *три* и *четыре*) с существительным в Р.п. единственного числа. Правда, позднее формы на *-а* охватывают и значительные группы существительных с неподвижным типом ударяемости (особенно иноязычные слова), но, во-первых, это явление вторичного порядка, а во-вторых, как раз в этой последней группе существительных формы на *-а* оказываются наименее устойчивыми (ср. случаи вроде: *бухгалтера, токаря, слесаря, инструктора* при параллельных, отвечающих норме: *бухгалтеры, инструкторы* и др.).

В отношении форм на *-а/-я* ударяемое в современном языке наметились следующие разграничения:

1. Утрата их вариантности для наиболее употребительных существительных, выступающих ныне только с флексией *-а*: *берега, луга* и под.;

2. Семантические различия форм на *-а* и *-ы*: *повода-поводы хлеба-хлебы* и др. Так, формы *хлеба-хлебы* имеют в современном русском языке четкое семантическое разграничение: *хлеба* – значение площадей, пространств, занятых злаками, больших количеств, скоплений. Дождь парной – *хлеба* волной (А.Иванов); *хлебы* – значение совокупности изделий: Заметалась по избе и Меланья, даже забыла посадить в печку *хлебы* (М.Алексеев).

3. Стилистическая дифференциация: в случаях колебаний формы на *-а* квалифицируются как разговорно-просторечные, ср. *ветры* и *ветра, тракторы* и *трактора, токари* и *токаря* и т.п. Причем случаи типа *волоса, выбора* осознаются как явно просторечные и потому ограничиваются в использовании, а формы типа *ветра, года* употребляются гораздо свободнее и иногда считаются даже более предпочтительными:

Мы говорим не *штормы*, а *шторма* –

Слова выходят коротки и смачны,

Ветра – не *ветры* – сводят нас с ума,

Из палуб выкорчевывая мачты. (В.Высоцкий).

Отметим, что белорусскому языку формы на *-а/-я* ударяемое во множественном числе существительных мужского рода не свойственны.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить следующее:

1. Морфологические варианты в литературном языке образуются как под влиянием внешних (экстралингвистических) факторов, так и под влиянием внутренних факторов, восходящих либо к историческому прошлому языка, либо отражающих закономерности развития языка ныне.

2. Воздействие внешних факторов связано прежде всего с функционированием территориальных диалектов. Это влияние становится все менее заметным в русском литературном языке, но проявляется в других славянских языках, в частности, в белорусском.

Літаратура

1. Булыко А.Н., Войнич И.В., Кузьменкова Т.В. Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 356 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
3. Русская грамматика. Т.1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
4. Лексугина З.А. Формоупотребление имен существительных мужского рода в современном белорусском языке /родительный падеж единственного числа/. – Мн., 1971. – 20 с.

Summary

In the present paper the author considers the following issues: external and internal factors influencing the emergence of variation forms in language; historical roots of morphological variations, their further development in the cognate Russian and Byelorussian languages.

The author gives the examples of semantic and stylistic differentiation of variation forms and shows how they are used in fiction writing.